

КАКОЙ ЦЕНОЙ
СОЗДАЮТСЯ
ШЕДЕВРЫ?

ЗАВОЕВАТЬ СЕРДЦЕ
ГЕНИЯ

ЖАСМИН МАЙЕР

18+

Отношения по контракту

Жасмин Майер

Завоевать сердце гения

«Автор»

2023

Майер Ж.

Завоевать сердце гения / Ж. Майер — «Автор»,
2023 — (Отношения по контракту)

Роберт Маккамон богат, гениален и нанимает женщин ради собственного вдохновения. Денни Стоун – журналистка, которая ведет колонку «Испытанно на себе», но гениальный художник не дает интервью, не посещает светских мероприятий и не готов раскрывать тайны своего вдохновения. Чтобы узнать, какой ценой создаются шедевры, Денни Стоун придется стать музой для эпатажного гения. И поставить свою подпись под контрактом, первый пункт которого гласит: «Беспрекословно исполнять все прихоти и желания мастера». История Роберта Маккамона, друга Алекса Кейна из романа «Дракон в моей постели».

© Майер Ж., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Задание	5
Глава 2. Собеседование	12
Глава 3. Контракт	17
Глава 4. Десять пунктов	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Жасмин Майер

Завоевать сердце гения

Глава 1. Задание

Элеонора «Белая акула» Барнс, главный редактор глянцевого журнала «FEVER» рассекла по конференц-залу, как самая настоящая хищница. Ох, и не завидую я звездам, которые попадают к ней в зубы.

Стук ее высоких каблуков стих за моей спиной. Покрывшись холодным потом, медленно обернулась.

Босс смотрела прямо на меня.

– Журналу нужен горячий и эксклюзивный материал. И ты достанешь мне эксклюзив, Денни Стоун.

Ужасный день грозился побить все рекорды по неудачам.

Сегодня все началось с того, что я проспала пятничную летучку и явилась без нужной дозы кофеина и с одним криво подведенным глазом, стрелку на котором пришлось дорисовывать в вагоне метро.

Если босс так говорит, значит, меня снова ждет работа под прикрытием. В последний раз, когда я слышала слова про «горячий эксклюзивный материал» Элеонора предложила мне поучаствовать для журнала в эксперименте «100 дней секса».

Да-да, вы не ослышались.

Не сто дней БЕЗ секса. А каждый день, на протяжении ста дней. Едва заслышав о редакторском задании, мой парень уже принялся стягивать с себя одежду. Через десять дней он святился ярче новогодних гирлянд.

Такой эксперимент призван укрепить отношения в парах, говорила мне Элеонора перед началом, показать, что занятия сексом могут быть необычными и приятными не только, когда им занимаются раз в неделю по пятницам.

Черта с два, Элеонора! Эксперимент доказал обратное, хотя в статье я и не упомянула, что в сто первый день Адам сказал, что сыт по горло тем, что им пользуются как вещью.

Он вопил о том, что девушка должна спать с ним по любви, а не потому что ей дали такое задание в редакции. Представляете, парень и о любви горевал, вот как я его допекла.

Я слабо сопротивлялась. Ругаться мы начали еще примерно на восьмом десятке секс-марафона, но примирительный секс помогал какое-то время – а точнее двадцать дней.

Мы явно не любили друг друга. Сто дней просто ужали ближайшие года-полтора, сконцентрировали события и заставили нас быть вместе, и ужаснуться тому, насколько мы с Адамом не подходили друг другу.

Вот какие идеи водятся у моего босса, поэтому и старалась расшибиться в лепешку, но выдумать темы для статей самостоятельно. Да не вышло. Нашла мне «Белая акула» новое задание.

Ладно, думала я, пока остальные расходились, а меня попросили задержаться для частного разговора, ну какая у нее может быть идея на этот раз?

По заданию издательства, я уже изучила стриптиз и выступала в ночном шоу. Мерзла в ночную смену со жрицами любви на улице, а потом удирала от облавы полицейских. И нет, лично я не удрала. Потому что в отличие от меня, у проституток был заботливый сутенер, а миссис Элеонора Барнс не примчалась среди ночи в участок и не подтвердила, что я журналист.

О ночи, проведенной за решеткой, я, кстати, тоже написала статью.

Элеонора была помешана на эксклюзиве. И надо отдать ей должное. Такие статьи и делали журнал «FEVER» одним из лучших на восточном побережье.

Признаю, было большой честью работать вместе с ней, тем не менее, когда конференц-зал опустел, а Элеонора развернула стул и села лицом ко мне, я еще никогда не была так близка к мысли об увольнении.

– Скажи, Денни, ты сейчас с кем-нибудь встречаешься?

О черт. А вот это уже плохо.

С ответом я не спешила, потому что не знала, куда именно клонит Элеонора – нужен парень рядом со мной или, наоборот, его отсутствие? Адам ушел от меня недели три назад, и я пока никого не искала.

– А какой ответ тебе нужен? – уточнила я.

Элеонора ослепительно улыбнулась.

– Рада, что ты готова ради редакции или расстаться, или найти себе кого-нибудь. Смотри сюда.

Она достала смартфон и включила видео. На экране ожил ресторан, явно премиум-класс – официанты в смокингах, пять видов бокалов возле пирамиды тарелок и ослепительный блеск десятка приборов с трех сторон.

Очередная сплетня, снятая скрытой камерой и проданная журналу за баснословные деньги. Никак иначе запись у Элеоноры появиться не могла. По ресторанам в качестве шпионки она, разумеется, не ходила.

Звук был паршивого качества – шорох, шорох. Изображение двигалось рваными прыжками, столики сменяли друг друга.

– Официант снимал? – спросила я шепотом.

– Ага.

– Сколько попросил?

– Много.

Элеонора умела определять эксклюзив, и если она заплатила, то эта запись действительно того стоила, хотя и походила сейчас на игры трехлетки с маминым телефоном.

– Просишь, чтобы я вернулась к нему?! – взвизгнул женский голос в динамике. – Да ты знаешь, что он вытворял со мной?

У меня сердце чуть не выскочило из груди. Ладони вспотели.

На экране появилась грудь в глубоком вырезе. Рука официанта ненадолго перекрыла изображение. Так вот, как это выглядит сверху. Больше никогда не выберу глубокий вырез для похода в ресторан.

Логично, что при приближении официанта собеседники умолкли, и какое-то время мы с Элеонорой опять слушали шорох, звон приборов и шорох салфеток. Но недолго.

Мужчина тихо обратился к своей спутнице, но та была взвинчена и не стала отвечать ему также тихо.

– Удвоишь цену, Эйзенхауэр?! Да никаких денег не хватит, чтобы забыть то, что я пережила в этой гребанной мастерской!

Мужчина ответил тихо и неразборчиво. А вот девушка вещала, как с трибуны. Очень неразумно говорить так громко на публике, но, похоже, она действительно пережила что-то возмутительное. И теперь вся кипела.

– Нет! Ты зря стараешься! Хватит мне вешать лапшу про искусство и причуды гения. Я не вернусь к Маккамону!

Камера стала отдаляться, стол был чист и убран. Я увидела, как высокая брюнетка модельной внешности с аппетитными формами, которые хорошо угадывались даже на маленьком экране и при паршивой записи, выскочила из-за стола и направилась к выходу.

Запись закончилась.

Адски захотелось шоколадного мороженого, которое всегда помогало справляться со стрессом. А стресса теперь было хоть отбавляй.

Элеонора спросила:

– У тебя как с современным искусством, Денни?

– Читала комиксы. Когда-то.

– Ясно, – кивнула Элеонора. – Впрочем, от тебя и не требуется быть знатоком живописи.

– А что требуется?

Босс откинулась на спинку стула.

– Роберт Маккамон – эпатажный гений современности, живет затворником. Никто из журналистов никогда не переступал порог его дома и тем более, не посещал мастерской. Он почти не продает свои новые работы, но, когда это происходит... – Элеонора сделала театральную паузу. – Например, его последняя картина «Лилия в саду герцога» была продана на Сот-бисс за четыре с половиной миллиона.

Круто. Он богат и извращенец. Еще бы! Когда за деньги можно купить все, фантазия начинает работать на полную катушку.

– А Эйзенхауэр это кто?...

– Его агент, друг и юрист в одном лице.

– А девушка на видео?

– С этим сложнее. За информацию, кто она такая и какую роль играла, пришлось еще доплатить. И не мало.

Это все сказано для того, чтобы я понимала, как много босс уже вложила в эту идею, и что просто так мне не отвертеться.

– И ты узнала, кто она? – спросила я.

Элеонора раскрыла папку, взяла аккуратно, за самый краешек многострадальную бумагу и положила передо мной.

Прошлое у бумаги выдалось насыщенным. Сначала лист был основательно изорван в клочья. А потом бережно склеен полосами клейкой ленты.

– О боже, – вздохнула я. – Ты опять подкупила ребят с мусоровоза?

Элеонора кивнула.

– Отличные ребята и берут куда меньше официантов. И тем более, дешевле элитных шлюх.

Я переварила ее полупрозрачный намек.

– Так эта женщина на видео... шлюха?

– Ага. Элитные эскорт услуги.

«Что он вытворял со мной в своей гребанной мастерской!» – сказала она.

О боже. Резал на части? Стегал кнутом? Что он с ней делал?

Я заставила себя вернуться к бумаге. Итак, контракт.

Это слово читалось четко. Остальные – хуже. Текста было много, как и пунктов и подпунктов. И наверняка, это была только первая страница.

– Остальных страниц нет? – спросила я.

– Их пока не удалось восстановить.

Наверху в поле «заказчик» значилось имя Роберта Маккамона, ниже «исполнитель» – женское имя, Шэннон.

– Она разорвала контракт прямо на пороге ресторана. После того, как Эйзенхауэр попытался ее догнать.

Снова стало не по себе.

Нельзя так разрывать контракты с миллионерами, если у тебя нет весомых причин. Скажем, если недостает каких-то частей тела.

– Ты сказала, что никто не проникал в мастерскую гения, но Шэннон там наверняка была, потому что она сказала...

– «Никаких денег не хватит, чтобы забыть то, что я пережила в этой гребанной мастерской», – процитировала Элеонора с улыбкой.

То есть запомнила я правильно. Пожалуй, даже два ведра шоколадного мороженого не справятся со всем этим стрессом.

Элеонора снова потянулась к телефону, перевела ползунок на нужную секунду и включила:

– Да ты знаешь, что он вытворял со мной?!

И нажала на паузу.

Разгневанная не на шутку и оскорбленная женщина.

– И что же чертов гений вытворял с ней? – спросила я. – В контракте есть какие-нибудь объяснения тому, какая роль ей отводилась, когда она входила в мастерскую? Натурщицы?

– Маккаммон не пишет с натуры, – сказала Элеонора. – Шэннон была для него... музой.

На ум пришли статуи в музее – массивные тетки, обернутые в простыни с лавровыми венками на голове.

– И что входит в обязанности музы?

Элеонора провела ногтем по многострадальному контракту.

– Вот эта строка. Она хорошо сохранилась, слава Богу.

– «Исполнять все прихоти и желания мастера без...»... – я запнулась.

– Беспрекословно, – отозвалась Элеонора.

– Твою мать, – выдохнула я.

В воображении всплыла такая сцена – она, конечно, голая и на коленях, и пока он пишет очередное гениальное полотно, она всю работу ртом.

Шоколадное мороженое с кусочками шоколада в шоколадной глазури. Решено!

Этот материал был не только эксклюзивом. Этот материал имел все задатки серьезной и долгоиграющей сенсации. Публика обожает истории, если они завязаны на сексе, скандалах и миллионах. А в Роберте Маккаммоне сошлись сразу три стихии – он богат, гениален и трахает женщин ради собственного вдохновения.

– Итак, Маккаммон остался без музыки. А что ты хочешь от меня, Элеонора?

– Чтобы ты стала его новой музой, Денни.

В том виде, в каком я утром выскочила из дома, являться к миллионеру Элеонора запретила. Велела снять ярко-лимонную юбку-колокол и свободную тельняшку, а бирюзовые туфли и сумочку заменить на что-то спокойней.

Да, я люблю цвета в одежде. Иногда отдел стилистов зовет меня на помощь. Я бы хотела работать у них там, подбирать аксессуары, ткани и цвета, но будем реалистами – я бы умерла от скуки среди кашемира и натурального хлопка на второй же день. Не даром же я выбрала именно колонку «Испытано на себе».

– Сколько-сколько? – переспросила я, не веря собственным ушам.

Элеонора повторила сумму.

– Ты же понимаешь, что я у тебя в долгу. Я понятия не имею, какие сексуальные пристрастия могут быть у Маккаммона. Это мой аванс, Денни. Но чтобы получить его, он должен выбрать тебя. Именно тебя на сегодняшних прослушиваниях.

Чертов гений организовал прослушивания, чтобы выбрать среди элитных шлюх Манхэттена музу. Как мило.

– Он захочет мне тоже платить, верно? Мне заключать контракт?

– Не знаю, – честно сказала Элеонора. – Мы можем выжать максимум даже из контракта, если ты достанешь его полную копию.

– Ясно. А если он... ну во время прослушивания захочет...

– На твое усмотрение, дорогая. Если он будет жесток, будет принуждать, бить, унижать... Или отрезать пальчики по частям.

– Я поняла, Элеонора!

– ... тогда одевайся и уходи, – закончила она. – Ты ведь понимаешь, что даже одного только упоминания об этих зверствах будет достаточно.

– Ты нашла других женщин, которые были его музами?

– Ищу, дорогая. Это дело небыстрое. Он хорошо платил им за молчание.

Хоть бы они были живы!

– А что известно о самом Маккамоне? Ты ведь наверняка уже завела на него досье. Разве мне не нужно подготовиться?

– Сейчас его принесут. Там есть о чем почитать, дорогая.

Меня отвели на макияж, там Ксена велела раздеться и войти в кабинку с распылителем авто-загара. Такой держали для моделей. Мне покрыли тело приятным бронзовым оттенком, усадили в халате перед зеркалом и два часа убили на то, чтобы макияж по итогу был практически незаметен. Распустили мой хвост на макушке и завили локоны, как у принцессы Авроры.

Потом принесли одежду. Я ожидала какой-то развратной, откровенной одежды, но это оказался почти офисный наряд – белая шифоновая блуза, персиковая юбка до колен и туфли телесного цвета. Элеонора выбрала для меня некий воздушный легкий образ музы. Но что-то мне подсказывало, что Маккамона этим не проймешь.

К трем часам по полудню я села в такси, и через сорок минут машина остановилась перед особняком в элитной части Нью-Йорка. Я расплатилась за счет – «все за счет редакции, дорогая!», – и вдруг услышала музыку с другой стороны дороги.

Фургончик с мороженым! Первый удачный знак за сегодня.

Перебежала через дорогу и заказала три шарика мороженого из темного терпкого шоколада с шоколадной крошкой и даже шоколадным печеньем внутри. Села на скамью в парке и набила смс-ку, чтобы все держали за меня сегодня пальцы.

Кстати, я не говорила, что у меня родственников больше, чем песка в Сахаре? Уйма! Две чертовых дюжины. Для них-то я и сделала массовую рассылку с просьбой пожелать удачи.

Хотя, если честно, сделала я это для того, чтобы как можно больше свидетелей знало время и день, когда я перестала выходить с ними на связь.

Бабуля ответила мне первой. И единственной. Остальные-то сразу увидели десяток адресатов в адресной строке и промолчали. Охо-хо, ребята, потом будете локти кусать, что не поговорили со мной в последний раз, пока я была жива!

«Да пребудет с тобой сила, йохохо!» – писала бабуля. И ведь не скажешь, что человеку восемьдесят два, правда?

Мне хотелось быть такой, как она. (Хотя она вряд ли пробовалась на роль постельной игрушки гениального художника).

Ладно, пусть мне повезет, йохохо.

И тогда...

Нет, не птица.

Мороженое. Капля подтаявшего темного шоколада плюхнулась прямо на блузку. Да что ты будешь делать? Не день, а сплошное несчастье!

И сегодня я решила завести знакомство с потенциальным маньяком? Ой, зря-я-я.

Прикрыв пятно на груди волосами, я вошла в холл и повернула к лифтам. Все вокруг блестело и сверкало. У лифта стояли две высокие девушки. Одна мулатка, прямо сестра Наоми Кэмпбелл. Вторая – явно в родстве с Кейт Мосс. И между ними я, метр шестьдесят в пятнах от мороженого.

Разумеется, обоим нужно было на сорок второй этаж.

Ехали молча. Только на двадцатом я спросила вслух:

– Тоже на собеседование, да?

Если бы взглядом можно было убивать, то они обе наградили меня контрольными выстрелами в голову.

Короче, подругами мы так и не стали.

Они вышли первыми и направились по коридору без дверей к единственной квартире на этаже.

Я поискала взглядом в коридоре туалет, но ничего похожего. Перед моделями распахнулись двойные двери в конце коридора, и я устремилась следом.

Удивительно, но никто не проверял приглашений или даже имен. Возможно, это все проводилось под таким уровнем секретности, что никому и в голову не пришло печатать для подстилок художника красивые пригласительные с тесненными вензелями? Или это сделано, чтобы не осталось никаких улик?

Девиц в квадратной прихожей вместе со мной оказалось десять. Все как будто только с подиума – на высоченных каблуках, полуголые, при макияже. Я мигом ощутила себя неуклюжим хоббитом.

Никто друг с другом не разговаривал, все расселись по стульям, как перед анонимным приемом у врача-гинеколога.

Впереди простирался квадратный холл, с мраморным белым полом. Стены были серым, будто из чистого непокрытого ничем бетона. Сверху свисала огромная стеклянная трех ярусная люстра. Потолки были метра четыре, если не больше. Вдали виднелась белая блестящая лестница, мягким изгибом уводившая на второй этаж.

Тишина стояла, как в морге.

Я опустилась на свободный стул, и тут из стены рядом со мной появился седой старик, отчего я подпрыгнула на месте. И не сразу сообразила, что просто там была дверь такого же белого цвета, как и стены.

Я покрылась холодным потом. Неужели это и есть Роберт Маккамон? На вид прям сверстник моей бабули.

Но в узловатых руках мужчины сверкнул серебряный поднос с чашками кофе, и я вздохнула с облегчением. Он отдал кофе двум блондинкам и обратился к новоприбывшим, вероятно, тоже предлагая кофе. Говорил он так тихо, что с моего места было ничего не слышать. Я глянула в приоткрытую дверь – так, хромированный кран и раковина. Ух ты! Кухня. Это мой шанс.

Я бесшумно скользнула в дверь, на ходу расстегивая пуговицы на блузе, чтобы лучше разглядеть пятно. Встала у хромированного крана возле окна и уже хотела открыть воду, как вдруг услышала позади себя:

– Что вы здесь делаете?

Я застыла с наполовину расстегнутой блузой, а еще, фигурально выражаясь, подняла с пола отвалившуюся челюсть, когда обернулась.

За мраморным островком посреди кухни сидел мужчина. Вилка и столовый нож в длинных пальцах терялись в его больших уверенных ладонях. Примерно также смотрелись приборы в руках диснеевского чудовища в сцене совместного завтрака с Бель из «Красавицы и чудовища», который мы в десятый раз пересматривали с мелкими.

По дороге сюда я гуглила его фотки, но Маккамон явно не жаловал папарацци. Все фотки были в профиль, издали или в движении.

Хотя, может, я снова ошиблась и это телохранитель? А настоящий гений – какой-нибудь тщедушный очкарик со сколиозом?

– Вы Роберт Маккамон?

Мужчина скептически приподнял одну бровь. Цвет его глаз наводил на мысли о суровой Арктике, льдинах и пронизывающем морозе.

Глядел он на меня так, как Магеллан впервые осматривал незнакомые земли Америки, полные опасных туземцев. Дружелюбия во взгляде не было ни на грамм.

– Это я. А вы? – оборонил он, глотнув кофе.

– Денни Стоун.

Самый известный художник современности и по совместительству потенциальный маньяк и убийца буднично завтракал ярким, как солнце, омлетом с поджаренными тостами и кофе. Было четыре часа дня.

Кофе мне никто не предложил.

Итак, Маккамон оказался красивым мужчиной с темно-русыми волосами, широкими плечами, а закатанные до локтя рукава рубашки обнажали бронзовую кожу крепких предплечий.

Убийственно красивым, не побоюсь этого слова.

Зачем художнику такое тело?

Вдруг двери распахнулись и на кухню вернулся тот слуга с кофейными чашками и пустым серебряным подносом. Получается, прошло всего несколько минут нашего знакомства, но под тяжелым взглядом они тянулись вечность.

– Мистер Маккамон?... – нерешительно спросил слуга.

Вероятно, таким образом уточнял все ли у хозяина в порядке и не требуется ли вышвырнуть меня к другим кандидаткам. Маккамон едва заметно качнул головой. Седой слуга тут же ушел, бесшумно заперев за собой дверь.

Интересно, это хорошо или плохо? Может, он пошел прокалывать приборы для пыток? Смывать кровь предыдущих жертв?

Я кашлянула и сказала невзначай:

– Мне сказали, вы ищите музу.

Его убийственно суровый взгляд сосредоточился на мне.

– Можете уходить.

О нет, я не уйду без сенсаций, потому что если не здесь, то меня четвертует Элеонора в редакции.

– Почему?

– Заговорив первой, вы только что провалили прослушивание.

– Объясните правила, и больше этого не повторится.

Он снова оглядел меня с ног до головы.

– Раздевайтесь, – кивнул он.

Глава 2. Собеседование

– Что?!

Нахмурился. Значит, у меня опять неправильная реакция. Для чокнутого гения неправильная, разумеется. А для адекватной женщины еще цензурная.

– Вы. Читали. Договор?

Именно так. По слогам. Как с умалишенной.

– Ну там, знаете, какую-то его часть, – туманно ответила. – Но не продвинулась дальше первой страницы, если честно, ваш договор прямо скука смертная!

Он никак не отреагировал. Только хмуро смотрел на меня, поверх белого куска мрамора, напоминавшего глыбу льда. Я почти наяву слышала завывание арктического ветра.

Ощущения были как во время просмотра ужастиков, когда герой решается спуститься в подвал, а ты ему кричишь по ту сторону экрана – «Нет! Не делай этого, придурок!»

Не делай этого, Денни, кричали все мои обостренные до предела чувства. Но я была здесь, и говорила с ним, пока остальные Клаудии Шиффер с тихим цоканьем каблуков покидали сорок второй этаж. Я слышала их шаги через дверь, и в этом не было ничего необычного. В звенящей тишине даже мое сердцебиение стало оглушительным.

Итак, он выгнал остальных претенденток. Это хорошо для меня или плохо?

– Разве Эйзенхауэр не объяснил вам правила собеседования?

Вот ты и попалась, Денни. Теперь или раздеваться, или уходить.

– Конечно, объяснил, – улыбнулась я через силу. – Просто это... было неожиданно.

Пока я расстегиваю блузу дрожащими пальцами, он с безжалостной прямоотой смотрит на меня. Как доктор на осмотре. Никаких эмоций. Никаких звуков. Из окон бьет яркий солнечный свет и заливает кухню, на которой температура уже перевалила далеко за минус двадцать. Еще чуть-чуть и пар начнет валить изо рта.

Расстегнув все пуговицы, замираю. На ум приходит строчка из контракта о безоговорочном подчинении. Черт бы тебя побрал, гений нашего века!

Рывком снимаю с плеч блузу. Веду вниз тонкую молнию на воздушной юбке, и та падает к ногам персиковым облаком. Остаюсь в чулках и белье, которое заняло первое место в соревновании «Самый эротичный комплект за апрель».

Вот и проверим.

Маккамон сидит и смотрит. Кофе, наверное, уже остыл.

Начинаю понимать, почему возмущалась Шэнон. «Ты хоть знаешь, что он сделал со мной?» Знаю, Шэнон, смотрел на твое супер эротичное белье с таким отвращением, словно это застиранные бабушкины панталоны.

Белье на мне ничего не скрывает, только подчеркивает те места, которые приличные женщины, обычно, наоборот, стараются скрыть от незнакомых мужчин.

Маккамон ждет. На лице по-прежнему ни единой человеческой эмоции.

Делаю вдох, шелкаю застежкой и отбрасываю лифчик в сторону.

Мужские эмоции – ноль.

Женские – близка к чертовой истерике.

Цепляю пальцами и легко стягиваю с ягодиц трусики, при этом постепенно нагибаясь вперед. Бедро. Колени. Щиколотки.

Потом выпрямляюсь. Трусики остаются лежать на полу.

Вот теперь я стою посреди его кухни совершенно голая.

Обалдеть.

Маккамон тянется к кофе. Делает большой глоток и убирает тарелку и чашку с кухонного островка в раковину. Замирает в шаге от меня.

Да тащите уже свои инструменты для пыток, мистер Маккамон!

Пока происходящего для скандала маловато. А его воздержание не поможет продать и половину тиража.

Я могла бы соврать и сказать, что соски просто реагируют на адский холод, но нет, я чувствую возбуждение от его близости, взгляда и вообще всего происходящего.

Это аномально. Неправильно. Но в низу живота уже покалывает от нетерпения.

Маккамон, наконец, перестал смотреть мне в глаза. Его жалящий холодом взгляд равнодушно скользнул по изгибам моего голого тела.

– Ложись.

От его приказа, я вздрогнула всем телом. И вовсе не потому, что он внезапно перешел на «ты». Голосом Маккамона мог, наверное, и птиц в полете останавливать. В купе с тем, что на мне не было одежды и что предполагалось последует за исполнением приказа, его резкие приказы горячили кровь, заставляя сердце быстрее биться.

Впрочем, я честно старалась не потерять голову. А поэтому как можно более спокойно уточнила:

– Куда? На стол?

– Хочешь на пол?

Это он шутит? Вау. Всего-то и надо было перед ним раздеться. Так и запишем – чувство юмора активируется обнаженкой.

Так. А стол-то высокий, просто так с пола не забраться. Если только ты не кошка.

Смотрю на Маккамона из-под полуопущенных ресниц и вижу – уголки губ дрогнули. Улыбается едва заметно.

Зараза. Специально это со столом придумал. А что если все происходящее вообще придумано только для меня? А настоящие прослушивания никогда и не происходят на кухне?

– Передумала?

Встряхнув волосами, встаю одним коленом на стул и стараюсь не думать о том, что Маккамон позади меня, конечно, всё видит. Гораздо больше, чем мне хотелось бы продемонстрировать незнакомому мужчине и потенциальному убийце.

Но самое ужасное то, что мое возбуждение из-за этого только крепнет. И если он посмотрит туда (а какой мужчина не стал бы смотреть?), он тоже увидит, насколько меня заводит происходящее.

Не могу сдержаться и оборачиваюсь, по-прежнему стоя на четвереньках – одно колено на столе, другое на высоком стуле.

Смотрит. Ровно мне между ног.

О боже.

– Я же сказал – лечь.

Тяну время, в уме перебирая ухажеров моей бабули. Не знаю как иначе охладиться. Не предполагалось, что это будет так возбуждать. Да и гений мог бы быть чуточку менее привлекательным. Разве я много прошу?

– На спину или на живот? – снова спрашиваю вполборота.

– На живот, – отвечает низким, хриплым голосом.

Еще минуту назад голос был другим. Похоже, не я одна тут теряю бразды управления над собственным телом.

Медленно опускаюсь на мрамор – теперь это не мифический холод. Я как будто улеглась на льдине посреди арктического океана. Соски обжигает холодом. А вот между ног так жарко, что кажется, будь подо мной действительно лед, он бы начал плавиться.

Я не вижу чертового гения. Маккамон стоит позади и немного левее. Так что надеюсь, мои крепко сжатые ягодицы сохранят в секрете хоть какую-то мою изюминку.

– Вы подписали у Эйзенхауэра соглашение о неразглашении, мисс Стоун?

И мы снова вернулись к «вы». После увиденного. Невероятно! Почему-то кажется, что это плохой знак.

Вру и глазом не моргнув:

– Конечно!

Лежу перед ним голая, а мой эксклюзивный материал только начал проклевываться. Черта с два я сейчас признаюсь в обмане.

Нужно идти дальше. Чтобы материал был действительно эксклюзивным.

– Эйзенхауэр сказал, что будет входить в ваши обязанности?

Вздрагиваю – его пальцы касаются моих щиколоток. Руки шероховатые, на пальцах мозоли от кистей. Он медленно ведет вдоль ног от щиколоток до самых ягодиц и там замирает.

– Я задал вопрос.

– Правда? – не могу сдержать стон разочарования. – Кажется, вам придется его повторить.

Маккаммон находит чувствительное местечко под коленями и принимается медленно поглаживать кожу пальцами. Все силы уходят на то, чтобы не развести ноги и позволить ему касаться меня везде, где ему только заблагорассудится.

Именно такой была моя реакция на такие интимные поглаживания, начиная с восемнадцати лет. И только теперь приходится изо всех сил жать на тормоз, не позволяя возбуждению вскружить голову.

Маккаммон убирает руки и обходит стол, на котором я лежу голая, а еще пару минут назад он спокойно завтракал.

Дразнится? Изводит? Присматривается, какой бы кусочек поаппетитней отрезать?

Замер с правой стороны. Провел руками вверх по ягодицам к пояснице, спине и остановился на плечах. Медленно убрал с них мои волосы, обходя при этом стол.

И остановился прямо перед моим лицом, словно ожидая чего-то.

Мое внимание приковал его пах, который оказался вровень с моими глазами, – ага, нормальная мужская реакция на голое женское тело.

Это лестно, но мне нужно больше скандалов, больше. Ну же, Роберт!

Приподнял мое лицо за подбородок, вынуждая смотреть ему в глаза.

– Зачем вы лжете? Вас ведь прислал не Эйзенхауэр, мисс Стоун, – сказал он. – Неужели вам не страшно?

Страшно? Да черта с два я признаюсь, насколько сейчас далека от ужаса.

– А кто ж еще? Конечно, меня прислал Эйзенхауэр! – хлопаю в ответ ресницами.

– И как же его зовут?

Черт.

– А он не представился.

Маккаммон улыбнулся. Действительно улыбнулся широкой открытой улыбкой, как при встрече с соседом утром на лужайке. Умеет все-таки. Не разучился.

Лицо его при этом изменилось невероятно. Черты сгладились, цвет глаз стал напоминать ясное небо летним днем.

Он снова оставил меня, обошел вокруг и, остановившись возле моих ступней, провел руками по внутренней стороне бедер, замерев в миллиметре от горячей точки.

Я вцепилась в край мраморной столешницы. Чтобы не стонать, закусил губу. Соберись, Денни, ты вообще-то на работе!

– Зачем вы здесь, мисс Стоун? И откуда узнали про то, что мне нужна ассистентка?

Он продолжал водить руками по моим бедрам, как если бы был скульптором.

– Муза, – прошептала я. – Вам нужна муза.

– Не важно, – отозвался он. – Я не беру девушек с улицы, мисс Стоун. Как бы громко они не стонали. И какими бы соблазнительными не были.

– Это комплимент?

– Да, – ответил он хрипло.

Его пальцы поглаживали округлости ягодич, вызывая мириады мурашек. Я едва сдерживалась, чтобы не начать извиваться. Только лежу бревном, изображая из себя шпиона, засланного в тыл врага.

Сейчас в моем тылу стоял Маккамон. И он так наглаживал этот тыл, что не стонать уже было невозможно.

– Вы не встречались с Эйзенхауэром, – вынес приговор гений, – потому что он знает мои вкусы. И он никогда не выбрал бы для меня женщину с рыжими волосами.

Какое просто разоблачение.

Я поднялась на локтях и посмотрела на него через плечо.

– Ладно, ваша взяла. Я не знаю, кто такой Эйзенхауэр. Просто подслушала девушек в холле здания, которые говорили о том, что идут на пробы и очень хотят получить работу. И увязалась следом.

– Вам нужна работа?

Пальцы снова медленно поползли вверх от колен по внутренней стороне бедер. При этом он не сводил с меня взгляда.

– Да.

– Она вам не подходит.

Не могу поверить, что произнесу этой сейчас, но...

– Это потому что я рыжая?

Маккамон улыбнулся краешком губ.

– Не только поэтому.

– Расскажите, почему?

– Разве работодатели объясняют соискателям причину своего отказа?

Пальцы добрались до последнего рубежа и остановились. Одно мое неловкое движение и его пальцы коснутся меня там.

Стоит рядом. Дыхание даже не сбилось. Смотрит. Пригвоздил меня взглядом к столу, как булавкой бабочку.

– Тогда... – я облизнула губы.

– Что?

Не верю, что произношу это, дубль второй.

– Может, просто займемся сексом, и я уйду?

Он рассмеялся.

– Я алкоголик и наркоман, вы в курсе? – спросил он.

– Бывший. Я прочла об этом в Википедии, пока поднималась на лифте.

– Бывших не бывает. Вы любите секс, мисс Стоун?

– Да.

– Как часто вы занимаетесь им?

Мой звездный час.

– Однажды я занималась сексом каждый день на протяжении трех месяцев.

Вот теперь мне удалось его удивить.

– Зачем вы это делали?

– Просто эксперимент. Мой парень был не против.

Глядя на меня, Маккамон опустил руку и медленно провел у меня между ног.

– А что ваш парень скажет на счет этого? – спросил он.

– Ничего, – выдохнула я. – Мы расстались.

– Давно?

– Три недели назад.

– И у вас, мисс Стоун, не было секса уже три недели? Или был?
Он продолжал вращать пальцами, перебирать ими, поглаживать.

– Я задал вопрос, – сказал Маккамон.

– Я не расслышала.

Я с трудом пыталась удержать свое тело от того, чтобы не развести ноги максимально широко, прогнуться в пояснице и не предоставить Маккамону не только полную свободу действий, но и полный обзор в первом ряду.

Короче, думать удавалось с трудом.

– Я должен знать, когда у вас был секс в последний раз?

– Три недели назад.

– Вы мастурбировали за это время?

– Что?!

Как снизить градус напряжения, витавшего в воздухе? Задать максимально некорректный вопрос, и близкого оргазма, как ни бывало. Напишу и об этом статью. Когда-нибудь.

– Итак, поговорим о работе.

Маккамон сам широко развел мои бедра и встал между ними.

«Новое слово при приеме на работу». Автор Р. Маккамон. Тираж разойдется, как горячие сосиски на стадионе. Только боюсь, его будут судить после такого.

– Правило первое – не сдерживать эмоции во время секса.

Он медленно провел пальцем сверху вниз и ввел его в меня. Я закусила губу.

– Не сдерживаться, – повторил он, проворачивая палец во мне. Вторая рука легла на клитор. – Это важное и основное условие работы на меня.

Что это, черт возьми, за работа такая?!

Я вцепилась руками в край стола и застонала в голос. Наконец-то. Маккамон кивнул, как будто поставил галочку напротив выполненного пункта.

Серьезно, мы остальные пункты также обсуждать будем?!

– Правило второе, – сказал Маккамон, и к пальцу внутри меня присоединил второй. – Никогда не заниматься сексом вне работы. И без меня.

Я посмотрела на него затуманенным взглядом. Жар разливался, в ушах шумело. Маккамон действовал очень медленно, нагнетая, поддерживая меня на тлеющем огне. Гладил клитор по часовой, а потом вдруг – против, а его два пальца нашли чувствительную точку внутри меня.

Я выгнулась всем телом и подумала, что если сейчас он отстранится, то я на него в статье всех собак навешаю, но он не отстранился. Он потер большим пальцем быстро-быстро, отчего перед глазами засверкали звезды, а дыхание остановилось.

Я задрожала и со стоном откинулась назад, а Маккамон лишь опалил жарким дыханием мою шею.

И когда оргазм пошел на убыль, а дыхание пришло в норму, он сказал:

– Отлично. А теперь одевайтесь.

Глава 3. Контракт

– И быстрее, – добавил он.

Впервые мужчина попросил меня одеться сразу после прелюдии, но, кажется, у гениев свои причуды. У Маккамона так их точно хватает.

Он включил кофеварку и к тому времени, когда я оделась, подхватил готовый кофе, по-прежнему не предлагая кофе мне, и толкнул двери кухни. У входной двери не было ни души, сегодня эскорт элитных агентств потерпели поражение. Один ноль в пользу обычных женщин.

Белый мрамор в холле был блестящим и скользким, как каток. Маккамон определенно питал слабость к заменителям льда и его дом чем-то напоминал дворец Снежной Королевы. Или Синей Бороды. Словом, ничего хорошего ждать не приходилось.

Высоко под потолком блестела и переливалась пятиярусная хрустальная лампа. Вся, как из крохотных льдинок. Сейчас она не горела. Дневной свет шел из больших панорамных окон с левой стороны у лестницы, которая мягким изгибом уводила на второй этаж.

Маккамон завернул у лестницы направо.

Это оказалась мужская берлога. И нет, это не было мастерской, которой я, честно говоря, немного опасалась.

Кабинет был оформлен мрачными, глубокими темными оттенками – ковер цвета мокрого асфальта, мебель в цвет штормового моря. Обтянутые диван и кресла из блестящей черной кожи. В стеллажах цвета венге корешки книг, обтянутые все, как одна, темным бордо.

Подавление. Доминирование. Иными словами – глубокая депрессия и тотальная скука.

Маккамон сел за темный блестящий стол, с массивными резными фигурами на ножках. Пресс-папье, подставка для ручек и бумаги – все наводило на мысли о том, что этим вещам место в музее. Сам Маккамон удивительно органично смотрелся рядом с этим вычурным, аристократичным пережитком. Даже в рубашке с подвернутыми рукавами, свободных джинсах и с легким безобразием в волосах.

Стояк у него, кстати, никуда не делся. Я заметила его явное желание, когда он обошел стол и опустился в кресло.

Ему удалось игнорировать собственный член даже больше, чем мне. Пока Маккамон не сел, мой взгляд неизменно возвращался к зверю, который рвался из штанов на волю, но, похоже, сегодня у него, как и у меня, не было никаких шансов.

– Присаживайтесь.

Маккамон указал на высокое кресло из темной кожи. Туда бы подушечку, самую малюсенькую. Малинового или салатового цвета. Хоть какая-то отдушина была бы.

Я села и поежилась. Вот я снова мерзну рядом с ним, хотя льдин не наблюдается, а за окном, обрамленным тяжелыми бордовыми портьерами, даже светит солнце. Но на сорок втором этаже, рядом с замкнутым (и чокнутым?) гением казалось, что мы выше солнца, чьи лучи сюда никак не добивают.

– Если я попрошу вас, описать вдохновение, что придет вам на ум, мисс Стоун? – спросил Маккамон.

– Радуга.

– Почему именно она?

– Сначала ты творишь через силу, преодолевая шторм, дождь, другие катаклизмы, а послеходишь во вкус, тучи рассеиваются, и в ярком небе вспыхивает яркая цветная радуга. Этот миг для меня и есть вдохновение.

Маккамон внимательно смотрел на меня поверх сложенных домиком пальцев, пока я говорила.

– А для вас?

– Для меня вдохновение – это колодец.
Сырая темная дыра в земле. Кто бы сомневался.

– Избитый пример, – сказала я вслух.

– Возможно, но колодец можно наполнить, а радугу вызвать вам не под силу. Только довериться милости небес.

– Логично. И как вы пополняете вдохновением в своем колодце?

– Женскими оргазмами.

Аж в подушечках пальцев закололо. Вот он, эксклюзивный материал, ради которого я сюда пришла. Чутье не подвело Элеонору.

Но сейчас меня, как крайне заинтересованную сторону, волновало и кое-что еще...

– Женскими, – повторила я многозначительно.

– Только женскими, – подчеркнул Маккамон.

– То есть вы с женщинами не спите, можно я все-таки спрошу об этом прямо?

– Можно. И мой ответ – нет.

– Ни с одной?

– Это не имеет отношение к делу. Я спал с женщинами, разумеется, но вдохновляет меня только женский оргазм. Мои оргазмы вас волновать не должны. И предвосхищая ваши вопросы, нет, я не сплю с мужчинами.

– Кх-м, – прокашлялась я, – ладно. Вот для чего вам необходимо первое правило – «не сдерживать эмоции во время секса»?

Он едва заметно улыбнулся.

– Думал, придется повторить все заново. Рад, что вы меня слышали.

Несмотря на то, что извивалась от его пальцев, как мартовская кошка. Спасибо, мистер Маккамон, что упомянули об этом.

– А вы вызываете у женщин только приятные эмоции или негативные тоже, мистер Маккамон?

– Мы можем обговорить это, поскольку я не знаю вас, а вы не знаете меня, и мы не знаем, какие эмоции может пробудить в вас наше взаимодействие.

Какая обтекаемая фраза... Больше конкретики, мистер. Со мной такое не пройдет.

– Например? Плетки, избиение, подчинение?

– Только если вы сами попросите об этом. Это входит в один из других подпунктов контракта.

– Там много пунктов?

– Десять.

– Как заповедей?

Он снова улыбнулся.

– Я не господь Бог, а вы не похожи на Моисея, мисс Стоун.

– Ладно. Первый мы обсудили. Теперь второй.

Он замолчал, позволяя самой вспомнить его слова. Что ж, на память я не жаловалась.

– Никогда не заниматься сексом вне работы. И без вас.

– Хорошая концентрация, мисс Стоун, – похвалил он. – Да, у вас не должно быть других партнеров во время нашего соглашения. Только рядом со мной вы должны получать наслаждение. Но в этом правиле есть исключение, разумеется. Рано или поздно, вам захочется большего. Вы захотите полноценного мужчину. Или женщину, зависит от вас. Я не могу вам дать этого, но мы можем найти вам пару.

Вашу ж мать! Он это серьезно?!

– То есть вы... – вдох-выдох. – Вы никогда не займетесь со мной сексом, но найдете мне мужчину, который сможет оттрахать меня не только пальцами?

На лице Маккамона не дрогнул ни один мускул, когда он ответил:

– Да.

Собственно, а чего ему нервничать? Я ведь далеко не первая, кому он это предлагает. И вряд ли последняя, кто обсуждает с ним собственные же оргазмы. Женщины для него... ну как фабрики по производству оргазмов.

И нужны они ему ради высокого искусства, разумеется.

– Но раз все мои оргазмы ваши, то, получается, что трахать меня этот мужчина или женщина будут у вас на глазах?

Сжал челюсти. Эмоция. Какая-никакая, а эмоция.

– А если мне захочется расслабиться дома, под душем... – продолжала я.

Он прервал меня:

– Мастурбация в одиночестве запрещена. Все ваши оргазмы с момента подписания контракта принадлежат мне. Вы не должны тратить свое сексуальное желание попусту. Это ясно? Тогда перейдем дальше.

– Допустим, я соглашусь, то попаду в вашу мастерскую? Прямо сейчас?

– Нет. Еще рано. Вы абсолютно не готовы к полноценной сессии. К тому же... – он сцепил руки и наклонился над столом ближе. – Вы ведь не из эскорта.

Это не было вопросом.

Я коснулась растрепавшихся волос, которые, конечно, до сих пор были огненно-рыжими. «Я не беру рыжих», но что-то заставило его передумать и отменить это правило. А Маккамон явно не из тех, кто просто так отказывается от установленных правил. Если до сих пор держится за свой абсурдный контракт.

Ладно, придерживаемся легенды, которую выдумала Элеонора.

– Я из индивидуалок.

Маккамон расхохотался.

– Мисс Стоун, я повидал на своем веку достаточно проституток. И прежде всего, я посмотрел на то, как они кончают.

Кажется, мои щеки вспыхнули.

– Ну, я недавно решила этим заниматься...

Он буквально вдавил меня в кресло своим серьезным тяжелым взглядом. А ведь даже пальцем не тронул. Только посмотрел. Дрессура на высшем уровне.

– Мне плевать, кто вы по профессии, – сказал он, – хотя Эйзенхауэр все равно это выяснит. Мне нужны вы. И я согласен на сопряженный с этим риск.

– Мои оргазмы.

– Что?

– Вам нужна не я. Вам нужны мои оргазмы.

– Верно.

Вездесущий Эйзенхауэр действительно очень скоро выяснит, кто я. А Элеонора сказала действовать по обстоятельствам. И полагаться на свое чутье.

Я получила достаточно информации. И если я хотела опубликовать ее, пришло время идти ва-банк.

– Я журналист, мистер Маккамон.

Он пожал плечами.

– Хоть монашка, мисс Стоун. Как мне уговорить вас?

– Уговорить, чтобы я не публиковала того, что только что узнала?

– Нет. Как мне уговорить подписать контракт.

– Боюсь, это невозможно.

– Все возможно, если подобрать верную цену.

– Мои оргазмы не продаются.

Маккамон откинулся назад, сложив руки на груди.

– Продается и покупается абсолютно все, – сказал он. – Просто назовите свою цену, мисс Стоун.

– Ни за какие деньги меня не будет трахать кто-то другой у вас на глазах!

– Хорошо, аннулируем этот пункт, – пожал плечами Маккамон. – Если не мужчина, тогда может, вибраторы или игрушки? Только в моих руках. Только один на один.

Вот теперь я вспыхнула от корней волос до самых кончиков пальцев, а между ног снова заныло. Интересно, его возбуждает этот разговор так же, как и меня?

– Вы ненормальный.

– Я гений. И именно ваши оргазмы помогут мне создавать шедевры.

– Нет-нет-нет, мистер Маккамон! Меня этими возвышенными речами не проймешь. Плевать я хотела на современное искусство, если оно создается таким способом.

– Вы ничего не теряете, мисс Стоун. У вас никого нет. Вы пришли сюда и с легкостью отдались незнакомцу в первый же раз. Можете говорить, что это было по заданию редакции, но я видел ваши глаза и ваши эмоции.

Маккамон наклонился ближе и сказал по слогам:

– И я знаю, что вам. Было. Мало.

– Конечно, мало! – вспыхнула я. – Я люблю секс. От начала и до конца. От прелюдии и до глубокого проникновения!

Он сглотнул и ничего не ответил.

– У вас ведь стоит, мистер Маккамон. Так в чем же дело?

– В принципах.

– Тогда наши принципы одинаково сильны. Я готова дарить оргазмы за секс. С вами, – ткнула я в него пальцем.

– Этому не бывать.

– Тогда... Оргазмы я получу где-нибудь еще, а материал все равно опубликую.

Я ждала хоть какой-то реакции. Испуга. Страха. Паники. Такие замкнутые гении должны хоть чего-то бояться? Общественного порицания и возмущения? Отлучения от церкви?

Он снова пожал плечами. Ему действительно было все равно.

Маккамон боялся только секса. Не только со мной, слава богу, а то я бы сгрызла себя от беспокойства. Со всеми женщинами. Именно взаимного секса с проникновением.

О-о-о-чень странно.

Глядя на меня в упор, он спросил:

– Как вы думаете, почему люди готовы платить миллионы за мои картины?

Потому что они уже знают, где он черпает вдохновение? Нет, не может быть этого быть. Тогда Элеонора тоже бы знала про женские оргазмы!

– Вы блефуете, – твердо произнесла я.

– Вы так думаете? Мне подсказать или вы сами поймете, чем станет для меня такая статья?

Долго думать не пришлось. Я прошептала:

– Рекламой.

Он холодно улыбнулся.

– Именно так. Мое предложение остается в силе, мисс Стоун. По времени ограничений нет. Контракт перед вами на столе. Можете взять. И не говорите, что вы берете для статьи.

– Тем не менее, – кашлянула я. – Я возьму его как раз ради статьи.

– Не забудьте рассказать читателям о своем оргазме.

Я как раз поднялась и остановилась как вкопанная, глядя на него.

– А вы ведь... – во рту пересохло. – Не станете рисовать после того, что было на кухне?...

– Из вашего оргазма выйдет великолепная картина, мисс Стоун, – отозвался он, прожигая меня взглядом. – Вы не сможете запретить мне делать то, что я умею делать лучше всего. Как и я не могу запретить вам.

– Прощайте, – процедила я.

– До скорого, – ответил он.

Глава 4. Десять пунктов

Со дня моего «собеседования» у Маккамона прошло целых четыре дня, а Элеонора так и не обмолвилась ни словом по поводу моей статьи. Только на пятый вызвала к себе в кабинет, упомянув об эксклюзивном интервью, которое она устроила специально для меня.

Я расправила лимонную юбку-колокол под столом и отбила бесшумную чечетку коралловыми балетками. На коленях лежал диктофон, ноутбук ждал в спящем режиме.

Наконец, в кабинет вошла Элеонора, а с ней высокая изящная женщина в темных очках и такой же темной юбке до колен и белой блузе. Почему-то она показалась мне знакомой. Немного раскрепощенная и дорогая офисная одежда говорила о том, что она, вероятней всего, была чьим-то секретарем, доверенным лицом, ассистентом или что-то вроде того.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.